

УДК 821.161.1-1

К. А. Кальян

ИНТИМНАЯ ЛИРИКА Р. КАТАЕВОЙ И А. АХМАТОВОЙ. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

К. О. КАЛЬЯН. ІНТИМНА ЛІРИКА Р. КАТАЄВОЇ ТА А. АХМАТОВОЇ. ПОРІВНЯЛЬНИЙ АСПЕКТ

Стаття присвячена компаративному аналізу інтимної лірики Р. Катаєвої та А. Ахматової. У статті розглядаються та порівнюються засоби художньої виразності, що створюють зовнішній образ коханої людини у творчості обох поетес. Застосовуючи антропоцентричний принцип аналізу структури ліричного тексту, автор досліджує важливість семи «зовнішність» у конструюванні маскулітного образу у Катаєвої та Ахматової.

Ключові слова: інтимна лірика, Р. Катаєва, А. Ахматова, маскуліність, мімічні коди

К. А. КАЛЬЯН. ИНТИМНАЯ ЛИРИКА Р. КАТАЕВОЙ И А. АХМАТОВОЙ. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Статья посвящена компаративному анализу интимной лирики Р. Катаевой и А. Ахматовой. В статье рассматриваются и сопоставляются средства художественной выразительности, воссоздающие образ любимого человека в творчестве обеих поэтесс. Применяя антропоцентрический принцип анализа структуры лирического текста, автор исследует важность семы «внешность» в конструировании маскулинного образа у Катаевой и Ахматовой.

Ключевые слова: интимная лирика, Р. Катаева, А. Ахматова, маскулинность, мимические коды

K. A. KALIAN. KATAEVA AND AKHMATOVA`S LYRIC POETRY. COMPARATIVE ASPECT

The article is devoted to the comparative analysis of Kataeva and Akhmatova`s lyric poetry.

Kataeva`s works are characterized by deep dramatic feelings and vast emotional palette. Un doubtedly, the love theme takes a special place in her poetry. Literary critics haven`t paid enough attention to the analysis of this type of genre. The results of Kataeva`s lyric poetry research allow us to maintain the high level of its artistic value. Strict harmony combined with sincerity, laconism and capacity of the poetic language confirm the closeness of Kataeva`s lyric poetry to Akhmatova`s works. We investigate and correlate lexical stylistic devices that create an external image of beloved person in both poetesses` works. By means of applying anthropological principle to the analysis of poetry work structure, we research the importance of the seme «appearance» in the process of constructing masculine image in Kataeva and Akhmatova`s works. Our research might have further development that could be connected with deep investigation of other structural components of Kataeva`s lyric poetry and detailed analysis of the preconditions and the consequences of the evolution of her poetic method under the influence of Akhmatova and Zwetaeva`s poetry.

Key words: lyric poetry, Kataeva, Akhmatova, masculism, mimical codes

Інтимна лірика харьківської поетеси Римми Катаєвої представлена обширним корпусом поезії, об'єднуючим більше ста стихотворень, вошедших во все її збірки.

Ісходя з словарного тлумачення, термін «інтимна лірика» використовується для умовного означення ліричного произведения, господствующий мотив которого – любовна страсть автора. Інтимна лірика розкриває широкий діапазон душевних переживань, виступає яким художественним документом історії людського серця; основні мотиви поезії мають еротичську окраску, обумовлюють изящну інтимізацію бытия, посвящені в заветні істини [12].

В творчестві Р. А. Катаєвої інтимна лірика не являється домінуючим жанром, в особливості в ранніх збірках поетеси. Із загальної категорії «інтимна лірика» можна умовно виділити такі її різновидності, як:

© К.А. Кальян, 2016

<http://dx.doi.org/10.5281/zenodo.49183>

- любовная лирика;
- стихотворения, посвященные близким родственникам поэтессы;
- дружеская лирика.

Объектом исследования данной статьи является любовная лирика поэтессы, характеризующаяся глубокими драматическими переживаниями и богатой эмоциональной палитрой. Тема любви, безусловно, занимает в ее поэзии особое место. В то же время литературная критика не уделила достойного внимания анализу данного мотива в творчестве Катаевой. Между тем результаты нашего исследования дают нам основание говорить о высокой степени художественности интимной лирики поэтессы. Искренность, откровенность в сочетании со строгой гармонией, лаконичностью, ёмкостью поэтического языка свидетельствуют о близости любовной лирики Катаевой к творчеству А. Ахматовой. Римма Александровна не раз подчеркивала в своих стихотворениях огромное влияние, которое на нее оказал поэтический гений Ахматовой:

*Не сразу к Анне я пришла –
Мне очи застила Марина...
Она жила во мне мерилом
Исконного добра и зла.*

*Но каждый день, но каждый час
Меня влекли все чаще к Анне –
К ее искусно тканой ткани,
В исповедально строгий сказ [4, с. 71].*

Анна Ахматова была одной из ярких представительниц школы акмеизма, возглавляемой Н. Гумилевым. Для ее творчества характерны предметность и четкость очертаний, о которых писали в своих манифестационных статьях Н. Гумилев, С. Городецкий, О. Мандельштам и другие. Акмеистическая группа оказала очевидное воздействие на формирование поэтической манеры А. Ахматовой. Однако талант и уникальный стиль поэтессы выделили ее среди представителей данного литературного течения. На этом факте и акцентировал внимание А. Блок в статье «Без божества, без вдохновенья», в которой раскритиковал деятельность акмеистов, отметив, что «разветвление потока русской литературы на мелкие рукава» ослабляет и обесценивает единый поток национальной культуры. Творчество же самих акмеистов, по мнению Блока, не блещет особым достоинством, за малым исключением. Этим «исключением» и была А. Ахматова, поэзию которой он определил как «усталую, болезненную, женскую и самоуглубленную» [2, с. 2].

Особенностью лирики А. Ахматовой, как отмечают литературоведы, является то, что основные отличительные черты поэзии акмеистов – вещественность, конкретность, осязаемость образов, простота языка, – формируют оригинальный и своеобразный стиль ее творчества. Особенностью ее лирики становится «говорной стих», ориентированный на разговорную речь – речь характерно женскую, в отличие от, например, поэтессы-современницы З. Гиппиус, которой было свойственно говорить от лица мужчины. Вместе с тем «стихи А. Ахматовой отличает точность, афористичность слова», – справедливо отмечает Л. Трубина [12, с. 28].

Любовная лирика Р. Катаевой, «с детства битой оптимизмом», отличается драматичностью интонаций и образов. Любовь в ее поэзии, как и в поэзии А. Ахматовой, предстает как «бой», разрывающий сердце от боли – в ключья. Это чувство почти никогда не изображается безмятежно, идиллически, а, наоборот, в своем предельно кризисном выражении: в момент первого бурного ослепления страстью, разлуки, разрыва и, наконец, утраты чувства:

*Нет,
Я не отправлю срочной телеграммы.
Милостыней-помощью боль не одолеть.
Если я не выживу, волей и друзьями,
Я хочу, как дерево, стоя умереть [4, с. 120].*

Одна из немногих отличительных черт любовной лирики обеих поэтесс – степень вовлеченности лирической героини в любовное переживание. Так, в творчестве А. Ахматовой борются два начала: женское, подвластное земной любви и переживаниям, и творческое, в полной мере посвященное одухотворенному одиночеству и свободе от сердечных мук. Её лириче-

ская героиня подчиняется своей высшей миссии и во имя творчества отрекается от земного женского счастья:

*Муза – сестра заглянула в лицо.
Взгляд ее ясен и ярок.
И отняла золотое кольцо
Первый весенний подарок... [1, с. 44]*

Лирическая героиня Р. Катаевой, напротив, не подвержена душевным противоречиям. Отчетливо осознавая риски, сопряженные с увлечением нежным чувством, она безоглядно стремится к этому «высшему дару», не опасаясь лишиться личной свободы, готова *ждать звонка, кромая все дела*:

*Плясать в этом шалом огне,
Забыв про свою неумелость,
И так по-земному звенеть,
Чтоб даже писать не хотелось! [3, с. 64].*

Создавая образ земной любви, Р. Катаева придает ей атрибутивную характеристику: *недолговечная, неумная, босая, не стихотворная*. Тем самым поэтесса подчеркивает естественное стремление каждой женщины – быть любимой, испытать *просто – радость, просто – боль* и ставит свою лирическую героиню в один ряд со всеми ее современницами.

Любовь для героини Р. Катаевой не только не ограничивает ее творчество, чего «опасалась» ахматовская лирическая героиня, но является многогранным источником сил и вдохновения:

*Любовь
Она горит в тебе все больше
Ну, чем такую притупить?!
В ней столько смуты, столько боли
И столько праздников души!
К тому ж – она рождает слово:
Все гуще, крепче, все сочней...
Так дай ей Бог прожить без слома
Немало синих росных дней! [5, с. 86].*

Объединяет лирику обеих поэтесс и явственная множественность обликов лирического «я». Подобно ахматовской героине, образ женщины, созданный Р. Катаевой, предстает перед читателем то в роли целомудренной, неподвластной страстям госпожи (*Господи, да что ж это со мной, / Трезвою, холодною, сухою?*), то в роли обычной женщины, измученной горестями и бедами (*Ты запомни меня не в слезах! / Не хмельною на собственной тризне*), «святою» и «грешницей ночи», в роли мудрого наставника (*друг, поэт, сестра*) и наивной влюбленной (*мокнуть, как девчонка, под дождем*). Эмоциональное восприятие героини Р. Катаевой усложняется вариативностью ее социального статуса: порой она одинока, порой замужем, случалось героине заглушать чувство влюбленности, поскольку оно не соответствовало правилам общественной морали (*Она жена твоя. / А я должна, должна!..*). Изменчив также и ее возраст: иногда читатель застаёт ее на пороге молодости, а иной раз и за этим порогом: *Нет, не кудри ржаные, / А седые виски / Помогли бы мне ныне / Убежать от тоски*.

Лирическая героиня любовной лирики Р. Катаевой обладает внутренне подвижным сознанием, когда претерпевает трансформацию само отношение лирической героини к любви: с одной стороны, она всей душой стремится познать это чувство (*Влюбиться – / Безудержно, страстно, / Без всяких надежд на ответ, / Когда так отчаянно страшно / В толпе потерять силуэт*), с другой – хладнокровно гонит его от себя (*Вот и сброшена маска!.. / Поцелуйчики – к черту! / Вмиг рассыпалась сказка / И развеялись грозди*).

Выражается это также в двойственном и противоречивом отношении к логичному завершению романтических отношений. В одном случае потеря любимого символизирует потерю смысла и интереса к жизни:

*Без тебя
Мне без тебя – все хмуро, все старо.
Не ощущаю я на вкус – родного снега.
Но что-то грузное упасть грозит с неба.*

В дому – усталое – горчит добро [6, с. 47].

В другом же случае разрыв отношений воспринимается как некий закономерный логический итог, освобождающий лирическую героиню от оков давно угасшего чувства:

Расстались мы без всяких сантиментов,

Живем по-разному на разных континентах.

И время нам доказывает с грустью

Духовную несовместимость пульса [7, с. 22].

Одной из главных объединяющих черт любовной лирики А. Ахматовой и Р. Катаевой является яркий и детально прописанный поэтический образ мужчины-возлюбленного. Исследование концепта маскулинности показало, что наиболее часто в числе элементов, способствующих изображению литературного персонажа, используется его внешность, в частности и особенности – его мимика. Оговоримся, что подобный сравнительный анализ внешности лирического героя А. Ахматовой и М. Цветаевой уже был проведен кандидатом филологических наук А. Коробейниковой в статье «Внешний вид как составляющая поэтического образа мужчины...» [8]. Отдельные результаты её анализа положены в основу нашего исследования.

Для интерпретации мимических кодов эмоциональных состояний лирических героев-возлюбленных используем схему, разработанную психологом В. А. Лабунской [см.: 9].

Исключительно важную часть общения и обмена эмоциями составляет визуальный контакт. Рассматривая ситуацию «его» нежелания смотреть «ей» в глаза, описанную Ахматовой, предполагаем, что причина кроется в угасшем чувстве: *Не любишь, не хочешь смотреть?* В стихотворениях Р. Катаевой встречаем тот же «инструмент» наличия чувства любви или его отсутствия: *Встречаемся взглядом – и пусто глазам, / Как будто часы наши все уже пробыли.*

Немалую роль в создании психологического портрета лирического героя играет характеристика его взгляда. Эмоции презрения, страдания и гнева у героя Ахматовой выражены через описания формы и яркости глаз: *И глаза, глядевшие тускло, / Не сводил с моего кольца; Потускнели и, кажется, стали уже / Зрачки ослепительных глаз.* С помощью таких мимических кодов, как «глаза тусклые», «глаза сужены», «глаза блестят», отмечает А. Коробейникова, поэтесса неосознанно передает эмоциональное состояние героя. Согласно результатам научных исследований установлено, что расширение и сужение зрачков не поддается сознательному контролю, следовательно, это может происходить на бессознательном уровне, под влиянием настроения. Состояние полного безразличия, эмоциональной пустоты и отчуждения передано Р. Катаевой через описание взгляда человека, в чьем сердце угас огонь любви: *Холодом внезапно обожглась, / Холодом из побледневших глаз.* С помощью выразительного оксюморона «обжечься холодом», передано состояние отчаяния лирической героини. С другой стороны, мимический код «побледневшие глаза», согласно схеме В. Лабунской, определяется как сигнал состояния душевного страдания. Следовательно, «холодность» взгляда напускная и не передает подлинных чувства героя.

В лирике обеих поэтесс представлено значительное количество изобразительно-выразительных средств языка, способствующих созданию поэтического образа мужчины. Наглядное применение наиболее часто употребляемых из них представлено в виде компаративной таблицы (см. табл. на с. 76).

Значительная часть в лексической структуре стихов отводится описанию губ. Психологи относят глаза, брови и область вокруг рта к наиболее информативным элементам мимики. Улыбка обладает полифункциональным влиянием на лирического героя и может выражать разнообразный спектр эмоций: привязанность, радость, обиду, грусть, презрение и т.д. Обращаясь к лексическому материалу, характеризующему улыбку, мы приходим к выводу о том, что разнообразные улыбки мужчины, представленные главным образом в лирике А. Ахматовой, чаще всего оказывают негативное воздействие на лирическую героиню. Чего не скажешь об улыбке, представленной в лирике Р. Катаевой. В её случае улыбка содержит в себе прямое семантическое значение: «мимическое движение лица, губ, глаз, показывающее расположение к смеху, выражающее приветствие, удовольствие и другие чувства» [10].

Тропы	Текстовые репрезентанты внешности лирического героя
-------	---

	А. Ахматова	Р. Катаева
Эпитеты	<i>Гляди веселыми глазами Потускнели и, кажется, стали уже Зрачки ослепительных глаз Сильней всего на свете Лучи спокойных глаз Как я знаю эти упорные Ненасытные взгляды твои</i>	<i>И хватаюсь за голос твой За глаза, удивительно чистые... В ясные твои глаза, Дальние ли – близкие ль, Заглянуть никак нельзя – Прячутся за линзами Взгляд твой долгий С нездешней пропискою Встретимся в один из будних дней – Чьи глаза окажутся мудрей?..</i>
Сравнения	Сравнение <i>А глаза синей, чем лед И загадочных, древних ликов На меня поглядели очи... Только глаза подымать не смей, Жизнь мою храня. Первых фиалок они светлей, А смертельные для меня. А взгляды его – как лучи На глаза осторожной кошки Похожи твои глаза</i>	<i>Взгляд твой долгий, с нездешней пропискою – Как свободы глоток – отыскиваю... Грешность библейских глаз</i>
Метафора	Метафора <i>Но мне понятен серых глаз испуг Только глаза подымать не смей</i>	<i>Но если бы остылая душа От чьих-то глаз вдруг занялась пожаром Глазами упасть в глаза, Пропасть в их тайных глубинах Шли навстречу раньше те глаза Улыбка ироничных глаз</i>

Рассмотрим примеры (см. табл. на с. 77).

Не менее важная составляющая поэтического образа мужчины – волосы. В текстах обеих поэтесс цвет волос – несущественная деталь, указывающая на возраст мужчины и не несущая дополнительную смысловую нагрузку:

Тот же голос, тот же взгляд.

Те же волосы льняные.

Все, как год тому назад (А. Ахматова)

Нет, не кудри ржаные,

А седые виски

Помогли бы мне ныне

Убежать от тоски (Р. Катаева)

Говоря о внешнем облике поэтического образа мужчины, заметим, что в лирике А. Ахматовой преобладающей деталью является лицо героя. В то время как Р. Катаева уделяет большее внимание его силуэту, превознося его:

А встречу ли?

Я жду его всегда –

Большого, иронично-угловатого...

Перед таким – скоробится беда

И все вокруг задышит пряной мятой [6, с. 87].

Тропы	Текстовые репрезентанты внешности лирического героя	
	А. Ахматова	Р. Катаева

Эпитеты	<p><i>Я для сравнения слов не найду – Так твои губы нежны И если б знал ты, как сейчас мне лю- бы Твои сухие розовые губы! С улыбкой неживой, Друг шепчет: «Санрильона, Как странен голос твой...» Улыбнулся спокойно и жутко Но зачем улыбкой странною И застывшей улыбаемся?</i></p>	<p><i>Но всплывает лицо С чуть насмешливыми губами Загар, задор, хохочущий оскал А я отвечаю насмешкой дождли- вой И боюсь, что я спьяну Убежать не смогу С земляничной поляны, От шаманящих губ...</i></p>
Ме- тафора	<p><i>Как улыбкой сердце больно ранишь Милым простила губам Я их жестокую шутку Улыбнется мне ль твое лицо?</i></p>	<p><i>Стоят почти что – губы в губы Этих губ земляничных Пламенища огня</i></p>

Образ катаевского «загадочного», «сильного» героя-мужчины безликий, атрибутирован идеализированными чертами внешнего облика, а также волевым характером и невероятной харизмой. Среди средств художественной выразительности, используемых поэтессой, преобладают метонимические конструкции:

*Когда-то был моей звездой;
Так кто же ты, вершина из вершин;
Мой обветренный рулевой;
Ты – мой князь, мой царь, мой Бог.*

Согласно результатам психологических исследований, идеализация и восхваление мужского образа говорит о проецировании на любимого человека ожиданий и желаний самой лирической героини, которые не всегда совпадают с его реальными качествами. Это может свидетельствовать о неуверенности и страхе разочарования, а также о склонности лирической героини передоверить свою судьбу во власть любимого человека. Так у Катаевой:

*Ты был старшим в отважной качке,
Мой обветренный рулевой.
Я казалась себе богачкой,
Ощущая власть над собой... [6, с. 59]*

В результате сравнительного анализа поэтических образов мужчин в любовной лирике А. Ахматовой и Р. Катаевой, мы пришли к выводу о высокой степени тождественности принципов их построения. Избранный нами антропоцентрический принцип анализа структуры лирического текста позволяет заключить, что сема «внешность» является важным, а порой и определяющим параметром, способствующим конструированию поэтического образа мужчины в творчестве обеих поэтесс.

Перспективным представляется изучение и других жанровых разновидностей интимной лирики Р. А. Катаевой, а также более детальное исследование предпосылок и следствия эволюции её творческого метода под влиянием поэзии М. Цветаевой и А. Ахматовой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахматова А. А. Избранное / А. А. Ахматова. – Смоленск : Русич, 2010. – 640 с.
2. Блок А. А. «Без божества, без вдохновенья» // А. А. Блок. Сочинения в двух томах. Т. 2. – М., 1955. – С. 205.
3. Катаева Р. А. Майский снег / Р. А. Катаева. – Х. : Прапор, 1989. – 77 с.
4. Катаева Р. А. Перед грозой / Р. А. Катаева. – Х. : Прапор, 1990. – 158 с.
5. Катаева Р. А. Времена души / Р. А. Катаева. – Х. : Основа, 1993. – 144 с.
6. Катаева Р. А. Страх и надежда / Р. А. Катаева – Х. : КРОК, 2001. – 131 с.

7. Катаева Р. А. Сентябрины / Р. А. Катаева – Х. : Федорко, 2012. – 111 с.
8. Коробейникова А. А. Внешний вид как составляющая поэтического образа мужчины (по данным лексической структуры лирических текстов А. Ахматовой и М. Цветаевой) / А. А. Коробейникова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2013. – №11(160). – С. 149.
9. Лабунская В. А. Мимические коды эмоциональных состояний. Табл. 7.1. // Психология и этика делового общения. – М., 2003.– С. 140.
10. Ожегов С. И. Толковый словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : slovarozhegova.
11. Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : ukraine.com.ua/sznuj.html.
12. Трубина Л. А. Русская литература XX века / Л. А. Трубина – М., 1998. – с. 338.

(Статья поступила в редакцию 28 марта 2016 г.)